

УДК 811.133.1'255.4

Е. М. Сытько

Факультет английского языка

Минский государственный лингвистический университет

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ «СМЕРТЬ» В ИТАЛЬЯНСКОМ, РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В работе рассматриваются лингвокультурные особенности паремиологических единиц с компонентом «смерть» в итальянском, русском, английском и французском языках. Анализируются основные когнитивные сценарии паремий, особенности синтаксической структуры выражений, их лексического наполнения; определяются культурно-маркированные ассоциации.

Ключевые слова: паремия; сравнительно-сопоставительное; смерть; табуирование.

E. Sytko

Faculty of English language

Minsk State Linguistic University

SEMANTIC PARADIGM OF PROMES WITH THE COMPONENT «DEATH» IN ITALIAN, RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES

The article considers the lingo-cultural features of paremiological units with the component 'death' in Italian, Russian, English and French. The work analyses main scenarios of paroemias, the features of the syntactic structure of expressions and their lexical content and determines culturally marked associations.

К e y w o r d s: proverb; comparative-contrastive; death; taboo.

На формирование языковой картины мира влияют представления народа о смерти и отношение к ней. Смерть – универсальный концепт, оценка которого нагляднее всего проявляется в паремиологических единицах каждой лингвокультуры.

Итальянское выражение *A tutto c'è rimedio fuorché alla morte* ‘от всего есть средство, только не от смерти’ свидетельствует об отношении к смерти как к неизбежному явлению, которое не может быть исправлено при помощи некоторого средства или лекарства. Смерть ставится в один ряд с бытовыми проблемами практического характера, а само выражение может быть использовано оптимистичном значении «Из любой ситуации можно найти выход». В русском языке подход к смерти представляет неотвратимость, невзирая ни на какие действия: «От смерти не отмолишься, не открестишься». Во французской пословице *Seule la mort n'a pas de remède* ‘только от смерти нет лекарства’ смерть отождествляется с болезнью, а ее неминуемость сопоставлена с отсутствием лекарства. В английском языке есть аналогичное выражение *There is a remedy for everything except death* ‘есть средство от всего, кроме смерти’. Однако наблюдается вариативность когнитивных схем. Еще в одном английском выражении *Death is a remedy for all ills* ‘смерть – это лекарство от всех болезней’ присутствуют все те же компоненты, что и в итальянском и французском паремиологических вариантах (смерть, лекарство/средство), но когнитивный сценарий строится иначе. Функциональность компонента «смерть» смещается из пассивного объекта – именной части сказуемого в синтаксической структуре паремии – в активный, что маркируется синтаксической ролью подлежащего. Указанные перемещения влияют на смысл и коннотации: смерть может восприниматься как положительный феномен. Таким образом, констатируем, что итальянский, английский и французский языки имеют общие культурно обусловленные ассоциации со смертью (средство/лекарство) в отличие от русского, в котором выражение аналогичной идеи сопряжено с религиозными представлениями (отмолиться, откреститься).

Религия, а именно католическая ветвь христианства, занимает важное место в итальянской культуре. Представление о справедливом суде после смерти и дальнейшем распределении души на соответствующий уровень отражаются в определенных паремиологических единицах. В поговорке *La morte ci rende uguali nella sepoltura, disuguali nell'eternità* ‘смерть делает нас равными в погребении, но неравными в вечности’ под влиянием противопоставляемых элементов *sepoltura* ‘погребение’ и *eternità* ‘вечность’ смерть ассоциируется с двумя функциями: одновременно уравнивает всех людей и выступает в качестве судьбы. При этом *eternità* ‘вечность’ может приобретать значение память людей об умершем, что уменьшает трагичность смерти как конкретного события. В структуре французской паремии *Le sage meurt aussi bien que l'insensé* ‘мудрец умирает точно так же, как и глупец’ и русской «Смерть не разбирает чина» присутствует только уравнивательная функция смерти, выражаемая на основе сопоставления разных антонимичных компонентов, обусловленных культурной маркированностью

(мудрец и глупец во французском, чины в русском языках). Английское выражение об уравнилельной функции смерти строится по иному когнитивному сценарию, с другими ассоциативными элементами: *Death closes all doors* 'смерть закрывает все двери'.

В результате осмысления смерти в паремиологических единицах выражается скоротечность жизни. В итальянской пословице *Oggi fresco e forte, domani nella morte* 'Сегодня свеж и силен, завтра мертв' жизнь ассоциируется с такими признаками, как свежесть и сила. Существует также региональный тосканский вариант *Oggi in figura, domani in sepoltura* 'Сегодня в форме, завтра в могиле'. В обоих случаях краткость жизни представлена во временных отношениях сегодня – завтра. Паремиологические единицы с аналогичным значением во французском, русском и английском языках строятся по такой же ментальной схеме, но с различными атрибутами описания жизни. Во французской пословице *Aujourd'hui en chair, demain en bière* 'сегодня во плоти, завтра в гробу', жизни соответствует плоть. В русском выражении «Сегодня жив, а завтра жил» значение неизбежности смерти передается с помощью грамматической категории времени и лексики, как и в английской паремиологической единице *Here today, gone tomorrow* 'Сегодня здесь, а завтра нет', которая используется более широко, не только по отношению к смерти.

Тема смерти может считаться табуированной, поэтому в рассматриваемых лингвокультурах вырабатываются способы избежать прямых упоминаний о ней. Данное правило закреплено в итальянской пословице *Non nominar la corda in casa dell'impiccato* 'нельзя упоминать веревку в доме повесившегося'. Само выражение происходит из прецедентного текста «Дон Кихот» Мигеля Сервантеса. Аналогичная паремиологическая единица существует и во французском языке: *Il ne faut point parler de corde dans la maison d'un pendu* 'Нельзя говорить о веревке в доме повесившегося'. Французское выражение путем калькирования перешло в русский язык: «в доме повешенного не говорят о веревке». В английском языке сохраняется тот же когнитивный сценарий, его элементы и ассоциации: *Don't talk about rope in a hanged man's house* 'Не говори о веревке в доме повесившегося'. Во всех случаях концепт «смерть» объективируется косвенно через два элемента: причины – веревка и последствия – повешенный. Не происходит изменений в ассоциативных компонентах, ситуация повешенный – веревка – смерть – запрет упоминания смерти сохраняется в итальянском, французском и русском языках.

Подводя итог, констатируем, что в принципе в паремиологической картине мира русской, английской, французской, итальянской лингвокультур при объективации концепта «смерть» используются идентичные когнитивные сценарии. Указанные смыслы вербализуются идентичными лексическими средствами, вытекающими из тождественных ассоциаций: смерть противопоставляется проблемам, которые возможно решить средствами, лекарствами, молитвами; субъекты смерти – и мудрец и глупец; время между жизнью и смертью – от сегодня до завтра; веревка как орудие смерти.